

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

А. М. Любарская

АНГЛИЙСКИЙ ПОЭТ И ПУТЕШЕСТВЕННИК ВИЛФРИД БЛАНТ — ОБЛИЧИТЕЛЬ КОЛОНИАЛИЗМА

«Я посвящаю всю свою энергию и творчество тому, что считаю основной целью своей жизни, — освобождению отсталых наций мира и особенно Азии и Африки от европейского рабства»¹. Эти строки вышли из-под пера Вилфрида Бланта — пламенного борца за самоопределение колониальных народов. Необыкновенным человеком называли этого неутомимого путешественника, страстного поэта и публициста его современники². Будучи аристократом и торием, он всю жизнь воевал с британским империализмом. До конца своих дней Блант оставался верным идее равноправия наций, убежденным противником колониальной агрессии, человеконенавистнических расовых теорий.

Видные деятели египетского, ирландского и индийского национально-освободительного движения конца XIX — начала XX в. оставили свидетельства глубокого уважения к английскому поэту-путешественнику. Многие современные политические деятели Арабского Востока и Индии также высоко чтят имя Бланта. В современных египетских периодических изданиях мы находим материалы, посвященные его деятельности, немало способствовавшей освобождению арабских народов от ига английских колонизаторов³. Прогрессивность, революционность взглядов Бланта на независимость Индии, его роль в индийском национально-освободительном движении отмечает Джавахарлал Неру⁴.

Публицистические и поэтические произведения Вилфрида Бланта, его путевые заметки и дневники, явившиеся результатом длительного и глубокого изучения движущих сил национально-освободительного движения на Востоке, а также истории и экономики арабских народов,

¹ W. S. Blunt, *My diaries being a personal narrative of the events 1888—1914*, London, 1918—1920, pt I, p. 1.

² Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, М.—Л., 1925, стр. 1.

Ф. А. Ротштейн (1871—1953) — советский историк, академик, видный деятель русского и международного рабочего движения. В 1890 г. был вынужден эмигрировать в Англию, где и познакомился с Блантом. Друг и единомышленник Бланта по вопросам, связанным с национально-освободительным движением народов Арабского Востока. Совместно с ним Ф. А. Ротштейн издавал прогрессивный орган египетского национально-освободительного движения «Египет». В книге «Захват и закабаление Египта» Ф. А. Ротштейн пишет: «...Блант... один из моих английских друзей... С его помощью я выпустил в 1910 году эту книгу... труд опасный для добрых нравов английской публики» (стр. 1).

³ См., в частности, «The Egyptian gazette», 30.XI.1956.

⁴ Дж. Неру, *Автобиография*, М., 1955, стр. 76.

среди которых он провел большую часть своей жизни, постоянно привлекали пристальное внимание представителей передовой общественной мысли его времени.

Находящиеся в архивном фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС материалы помогли установить, что и К. Маркс незадолго до смерти интересовался публицистикой Бланта. Об этом свидетельствуют собственноручная запись и выписки, сделанные им из статьи Бланта «Египетская революция», обнаруженные нами в рукописных черновых тетрадях К. Маркса за ноябрь 1882 г.⁵ Свидетельства значительного интереса к деятельности и творчеству Бланта оставил в своих воспоминаниях известный английский поэт-социалист 80-х годов В. Моррис⁶.

На блестящий обличительный памфлет Бланта «Позор XIX века» ссылался его великий русский современник Л. Н. Толстой⁷, нашедший в этом памфлете живое свидетельство того, как «английское правительство разорило богатую сто лет назад Индию, Китай, Африку»⁸. Бернард Шоу, называвший Бланта «англичанином с незапятнанной личной и общественной репутацией»⁹, ему первому прислал гранки своей пьесы «Другой остров Джона Буля».

Выходец из аристократической семьи с прочными консервативными традициями, получивший образование в закрытых дипломатических колледжах, Вилфрид Блант прожил долгую, насыщенную бурными событиями жизнь. В 16 лет он уже секретарь английского посольства в Афинах. Поездки по странам Европы и Южной Америки, связанные с его положением дипломата, продолжаются 11 лет.

Общее представление о маршруте первых путешествий молодого дипломата дают беглые упоминания о кратковременном пребывании в отдельных городах, сделанные им в разное время в дневниках и публицистических произведениях. В общих чертах этот маршрут таков: начало дипломатической карьеры — Афины, 1858—1859 гг., 1861 г. — Франкфурт, 1864—1865 гг. — Мадрид, 1865 г. — Париж, Лиссабон, Синтра и вновь Франкфурт, 1866 г. — Флоренция, 1867 г. — Рим, 1868 г. — Буэнос-Айрес.

Эти годы отмечены значительными политическими событиями.

⁵ W. S. Blunt, *The Egyptian revolution*, — «The nineteenth century», 1882, vol. 12, p. 324—346. — По замыслу автора, эта статья представляла собой часть грандиозного, но оставшегося незаконченным цикла «Апология национально-освободительного движения». К. Маркс познакомился со статьей Бланта в ноябре 1882 г. в процессе работы над третьим немецким изданием первого тома «Капитала» (см. ноябрьские черновые тетради К. Маркса за 1882 г. в рукописном фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

⁶ См. W. S. Blunt, *My diaries...*, pt II, pp. 28, 65, 83.

⁷ «The shame of the nineteenth century». — Этот памфлет был написан Блантом в конце 1899 г. для «Таймс». Однако из-за содержащихся в нем резких разоблачений британской колониальной агрессии не был опубликован (см. фрагменты из памфлета в дневниках Бланта, стр. 464). Можно предположить, что памфлет был привезен Л. Н. Толстому К. С. Кокреллом, посетившим Ясную Поляну в 1903 г. О визите Кокрелла см.: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений (юбил. изд.), т. 54, стр. 523.

Из Ясной Поляны Кокрелл вел с Блантом переписку, из которой явствует, что Блант был пропагандистом русской литературы на Западе.

Связь Кокрелла, а через него и Бланта, с Толстым не прерывалась и в последующие годы. В 1904 г. Кокрелл пересылает Толстому письмо одного из виднейших идеологов египетского национально-освободительного движения Мухаммеда-Абду, друга Бланта, переведенное на английский язык женой поэта. Текст письма и ответа Толстого см.: W. S. Blunt, *My diaries...*, pt II, p. 455; «Notes on a visit to Leo Tolstoy at Jasnay Polyana, on July 12th 1930» by Sidney C. Cockerell (Рукопись архива И. С. Шохор-Троцкого).

⁸ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», ГИХЛ, 1955, т. 2, стр. 181.

⁹ B. Shaw, *Prefaces*, London, Constable, 1934, p. 468.

В Греции Блант наблюдает оживление национально-освободительного движения, вызванное восстаниями 1858 г. в Черногории и Сербии. В Испании он является очевидцем возвращения участников контрреволюционной интервенции в Мексике. В Италии на его глазах идет борьба за национальное освобождение, волновавшая страну с 1859 г. Блант с интересом следит за головокружительной карьерой Бисмарка, пытается понять причины политического хаоса, возникшего в Аргентине в результате столкновений между унитаристами и федералистами.

Несмотря на полное отсутствие в мемуарах и публицистике Бланта подробного комментария политических событий рассматриваемого периода, отдельные высказывания поэта позволяют предположить, что уже в тот ранний период его симпатии находятся на стороне демократических элементов, принимавших участие в том или ином политическом или социальном движении.

В 1869 г., унаследовав после смерти брата родовое имение Краббет-парк с 2 тыс. акров земли и женившись на леди Энн Ноэль — внучке Байрона, Блант навсегда оставляет дипломатическую службу.

Лето 1870 г. застает его в Париже. Уже в том, как воспринял Блант события этого периода, со всей определенностью сказались демократические тенденции в мироощущении поэта. В напряженной обстановке острой политической борьбы, предшествовавшей началу франко-прусской войны, Блант выступает как ожесточенный противник так называемого либерального режима III империи, метко охарактеризованного им «хитроумной уловкой», на которую поддались французы¹⁰.

«В то время, — вспоминал Блант впоследствии, — я был в высшей степени антибонапартистом, читателем „Фонаря“ и других подобных ему журналов, причем гораздо больше, чем свидетельствуют сделанные мной записи. В этом я был солидарен с парижской толпой»¹¹.

В середине 70-х годов Блант совершает свое первое путешествие по Ближнему Востоку и Индии, путешествие, которому суждено было сыграть столь значительную роль в дальнейшем формировании мировоззрения и определении всего его жизненного пути.

Интерес к Востоку и, в частности, к арабским странам возник у Бланта еще в юности. «Я едва ли еще посетил Восток, — записывал он в своем дневнике, — но восточные страны интересовали меня с того самого дня, когда я прочел „Путешествие по арабским странам“ Палгрейва»¹². Этот интерес усиливается в конце 60-х годов в связи с рассказами известного английского путешественника Ричарда Бартона, встретившегося с Блантом в Буэнос-Айресе.

В 1874 г. Блант вместе с женой, путешественницей и этнографом¹³, предпринимает первое путешествие по Французской Сахаре. Уже то-

¹⁰ W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 472.

¹¹ *Ibid.*, p. 475. — Уже сам по себе тот факт, что Блант является читателем «Фонаря», весьма знаменателен. Как свидетельствует Анри Рошфор, один из видных политических деятелей радикально настроенной мелкой буржуазии, еженедельный политический журнал «Фонарь», имевший огромный успех во Франции и ведший непримиримую борьбу с империей, подвергался ожесточенным репрессиям со стороны правительства (см. Анри Рошфор, *Приключения моей жизни*, М., 1934, стр. 125—127, цит. по кн.: «Новая история в документах и материалах», под редакцией В. М. Далина, ОГИЗ, Соцэкгиз, 1935, стр. 307).

¹² W. G. Palgrave, *Narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia*, London, 1865. — Следует заметить, что труд Палгрейва содержал оценку арабского мира, полностью противоположную воззрениям Бланта. Неприязнь Палгрейва ко всему, что связано с представителями Арабского Востока, отмечалась в свое время «Отечественными записками». См. «Отечественные записки», 1865, кн. 8, стр. 279.

¹³ См. труды Энн Блант: *Bedouins of the Euphrates*, London, 1879; *A pilgrimage to Nejd*, London, 1881. О ней см. «The Athenaeum», 1881, p. 325, а также «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1866, т. I, вып. I, стр. 146.

гда от его пронизательного взора не укрылось, что французские административные власти под видом подавления мятежа грабили местных жителей. «При всей моей любви к французам, — записывает Бланг в путевом дневнике, — я почувствовал, что здесь мои симпатии целиком на стороне арабов»¹⁴.

Вскоре после этого последовала поездка в Египет. Начатое изучение арабского языка на этот раз позволило Бланту ближе познакомиться с представителями еще непонятного ему, но глубоко интересующего его мира. Во время этого путешествия Блант впервые столкнулся с жестокой, поразившей его нищетой египетских феллахов. Даже в окрестностях Каира он нередко встречал крестьян, единственной одеждой которых была заплатанная рубаха. Не раз Блант был свидетелем того, как изможденные женщины продавали с себя последние лохмотья, так как сборщики налогов ждали их в деревне с кнутом в руках¹⁵.

Поближе познакомившись с египтянами, Блант получил самое полное представление об этом мужественном, трудолюбивом народе. «Египтяне, — писал он в своем путевом дневнике, — хороший, честный народ... Все это, разумеется, о тех, кто не занимает высоких постов. О них я не знаю ничего. Но что касается крестьян, феллахов, они обладают всеми добродетелями, необходимыми для членов счастливого процветающего общества. Они жизнерадостны, трудолюбивы... Они не игроки, не скандалисты, не безнравственные люди, они любят свой дом, своих детей, своих жен. Они хорошие сыновья и отцы и абсолютно не подвержены расовым предрассудкам»¹⁶.

Зимой 1878/79 г. поэт посетил Неджд. Познакомившись со строем жизни в некоторых, наиболее отдаленных и поэтому не знавших буржуазной цивилизации округах Неджда, Блант восторженно отозвался о том глубоком и всестороннем влиянии, которое оказал на их развитие так называемый ваххабизм¹⁷. Политическая сущность движения ваххабитов состояла в стремлении к объединению всех арабов и борьбе за национальную независимость. Стремясь возродить республиканский, первобытно-коллективистский характер общества, населявшие Неджд ваххабиты противостояли носителям христианской цивилизации, вызывавшей горячую ненависть Бланта¹⁸.

«Только в Неджде, — писал впоследствии Блант, — из всех стран мира, которые я посетил... три величайшие блага, которыми хвастает Европа, хотя и не обладает ими, являются живой реальностью. Это — Свобода, Равенство и Братство. Только здесь, исключая даже Францию, где эти слова написаны на каждой стене, Свобода, Равенство и Братство — достояние каждого свободного человека»¹⁹.

Путешествуя по Неджду, Блант постепенно приходит к выводу, что жители этого сохранившего свою национальную независимость края обладают определенными преимуществами по сравнению с другими народами Арабского Востока, поработанными европейскими колониза-

¹⁴ W. S. Blunt, *Secret history of the English occupation of Egypt*, London, 1907, p. 6.

¹⁵ *Ibid.*, p. 11.

¹⁶ *Ibid.*, p. 13.

¹⁷ Учение ваххабизма имело те же социальные корни, что и средневековые махдистские движения, охарактеризованные Ф. Энгельсом как движения бедных кочевников против купцов и феодалов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 16, ч. 2, стр. 410).

¹⁸ Разительный контраст отличающегося узостью и нетерпимостью христианства с учением арабов «о братстве людей» отмечает Дж. Неру (см. «*Открытие Индии*», М., 1955, стр. 238).

¹⁹ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 58.

торами. Именно тогда, по признанию Бланта, горячее желание помочь арабским народам «сбросить ярмо чужеземцев и возродить их общественную жизнь»²⁰ впервые овладело его помыслами. Так родилась «первая политическая любовь» поэта. Отныне он видит цель своей жизни в том, чтобы всеми силами участвовать в борьбе арабских стран за «драгоценный дар независимости»²¹.

Не меньшее значение, чем путешествие по Неджду, имела для формирования политических взглядов Бланта его первая поездка в Индию, куда он отправился в качестве личного гостя Литтона²², в то время вице-короля Индии. В первый раз Блант посетил Индию в 1879 г., ровно через два года после подготовленного Дизраэли театрального зрелища в древней индийской столице Дели, где 1 января 1877 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. В том же году Гладстон объявил миру о двух пресловутых условиях, на которых якобы покоилось право англичан находиться в этой стране. Оба эти условия были приведены впоследствии как пример вопиющего несоответствия их действительности в эпиграфе к труду Бланта «Мысли об Индии»²³. «Наше пребывание в Индии, — гласило первое из этих условий, — должно быть выгодным для индийской нации!»

И второе: «Мы должны заставить их увидеть и понять, что это им выгодно».

Здесь, в Индии, в 1879 г. Блант впервые получает яркое представление о том, какого рода «выгоды» дает британское владычество населению этой страны.

«Я разочарован, — пишет он в апреле 1879 г. из Симлы, — разочарован Индией. То же самое тяжелое обложение налогами, власть иностранных чиновников и безрассудное расходование денег; с которым можно столкнуться в Турции... Я не вижу большой разницы в том, чтобы заставить умирающего от голода индийца платить за собор в Калькутте или облагать налогом болгар за дворец на Босфоре»²⁴.

Сравнивая положение населения Индии с положением других народов поработанного Востока, Блант приходит к обобщениям, которые подготавливают почву для дальнейшего развития его взглядов на национальную независимость колониальных народов. Уже в 1879 г. он полон веры в творческие созидательные силы индийского народа. «Я верю, — пишет Блант, — что туземцы способны управлять своим государством гораздо лучше, чем мы, расходуя на это примерно одну десятую часть того, что стоит им английская администрация»²⁵.

Одиннадцатилетнее странствия по Европе, еще не оправившейся после потрясений 1848 г., месяцы, проведенные в 1870 г. в охваченном революционным брожением Париже²⁶, путешествия по странам Араб-

²⁰ W. S. Blunt, *The Egyptian revolution*, — «The nineteenth century», 1882, September, p. 326.

²¹ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 58.

²² О деятельности Литтона в Индии см. «*Lord Lytton's Indian administration*» — «The Times», 1899, p. 723. Отдавая должное поэтическому таланту Литтона, близким другом которого он был в юности, Блант впоследствии неоднократно отмечал его империалистические устремления как государственного деятеля. «Литтон, — записывал он в своем дневнике в день его смерти, — был слишком убежденным империалистом, чтобы без боли видеть, как Англия ослабит свою мертвую хватку на Ниле» (W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 731).

²³ W. S. Blunt, *Ideas about India*, London, 1885.

²⁴ *Ibid.*, p. XV.

²⁵ *Ibid.*, p. XVI.

²⁶ Всю жизнь Бланта не оставляло сожаление о том, что он был вынужден покинуть Париж до событий, разыгравшихся там в 1871 г. (см. W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 496).

ского Востока и Индии оказываются для Бланта хорошим противовидением от все глубже проникающего во все поры общественной жизни Англии джингоистского духа. К началу 80-х годов в нем созревает мощное чувство протеста против знакомого ему еще с детских лет культа пресловутого «юниона Джека», английского флага, беспредельного владычества которого на морях и на суше все настойчивее требует реакционная английская печать.

Этот протест и горячее сочувствие к народам, поработанным европейскими колонизаторами, заставляют поэта преодолеть его прежние, привитые средой и воспитанием, представления о патриотизме. Не желая быть душителем чужой свободы, Блант навсегда становится врагом английского империализма. Отныне целью своей жизни он считает борьбу за освобождение народов Азии и Африки от колониального ига.

Оказавшись в 1881—1882 гг. в самой гуще революционных событий, потрясших Египет, поэт становится активным участником египетского национально-освободительного движения, горячо сражается за свой окончательно обретенный политический идеал. А год спустя он открыто призывает египетский народ к революции, утверждает этот идеал на страницах египетской поэмы «Ветер и буря» — живой хроники бурных событий 1881—1882 гг.

Памятная в истории Арабского Востока осень 1881 г. вновь застаёт Бланта в Египте. Он оказывается свидетелем пронесшегося над страной вихря революционного восстания и сразу же принимает сторону повстанцев. Такую же позицию занимает и его жена Энн Блант.

«Моя жена, — писал впоследствии Блант в своей „Секретной истории английской оккупации Египта“, — внучка нашего великого национального поэта лорда Байрона, унаследовала от него его горячее сочувствие делу свободы на Востоке. Это обстоятельство во многом определило наше отношение к событиям 1881—1882 гг. Мы считали, что выступить в защиту сражавшихся за свою свободу арабов — такое же благородное дело, как то, за которое отдал свою жизнь Байрон в 1824 г.»²⁷.

К египетскому национально-освободительному движению 1879—1882 гг. Бланта привлекает прежде всего то обстоятельство, что оно, как справедливо отметил поэт, «было по существу феллахским движением, так как его целью являлось освобождение феллахов»²⁸.

Публикуя в 1931 г. под заголовком «За пятьдесят лет» отрывочные сведения о восстании 1881—1882 гг., египетская газета «Аль-Ахрам» отдала должное той, по ее твердому убеждению, важной роли, которую Блант играл в восстании. Называя поэта другом Араби и его сторонником, «Аль-Ахрам» следующим образом характеризовала деятельность Бланта: «Действия поэта были направлены на создание национального независимого Египта... и поэт полностью окунулся во все перипетии борьбы повстанцев»²⁹.

²⁷ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 7.

²⁸ *Ibid.*, p. 144.

²⁹ الأهرام («Аль-Ахрам»), 20.X.1931. — О роли Бланта в египетском национально-освободительном движении позволяют судить и высказывания его врагов. Так, автор написанной в крайне резких тонах рецензии на «Мысли об Индии», характеризующая деятельность Бланта в Индии в 1884—1885 гг., обвиняет поэта в «открытой проповеди восстания, пламя которого ему удалось с успехом разжечь до этого в Египте». «Поведение Бланта в Индии, — утверждает он, — находится в полном соответствии с его поведением в Египте. И здесь и там Блант выступает как последовательный противник реформ, предлагаемых его современниками... общается с теми, кто известен своим недовольством существующим положением вещей и нелояльностью» (см. «The Fortnightly review», 1885, vol. 37, p. 381).

Вилфрид Блант особо подчеркивал, что проповедуемые Араби идеи имели глубокие корни в исторической традиции египетского народа. Этим он и объяснял в значительной степени глубокую преданность Араби народа и армии. «Мысли, которые он высказывает, — записывал Блант в своем дневнике, — не являются просто повторением звонких тирад о свободе, имеющих широкое хождение в современной Европе, но основаны на знании истории арабской философской мысли»³⁰. Известное влияние, оказанное в свое время на Араби идеологией французской революции и системой республиканских идей, немало способствует росту симпатий Бланта к этому человеку.

Разделяя революционно-демократические воззрения египетских патриотов, Блант уже осенью 1881 г. окончательно приходит к выводу, что лишь в национальной независимости — спасение этой страны, доведенной до крайней степени нищеты его алчными соотечественниками. Эта мысль владеет им, когда он по просьбе Араби помогает повстанцам выработать проект национальной программы Египта. Помимо составления программы, Араби поручает Бланту защиту и пропаганду движения египетских патриотов в европейской прессе.

В напряженной обстановке, когда, как пишет «Аль-Ахрам», «лондонская печать стала затрагивать честь сынов египетского народа», Блант и его друг Грегори своими выступлениями «усиливали мощь повстанцев, которых они защищали в лондонской прессе, гордились их победами над Европой и ее политикой»³¹.

Корреспонденции Бланта и Грегори из Египта были единственным источником правдивой информации о событиях, разыгравшихся в этой стране. Собственных корреспондентов в Египте имели лишь «Таймс» и «Пелл-мелл-газет», причем, по свидетельству Бланта, они находились в руках английского финансового контролера Кольвина, в прошлом крупного англо-индийского чиновника. На полном содержании англо-французских финансовых контролеров, в свою очередь черпавших для этого средства из того же египетского бюджета, находились и корреспонденты агентства Рейтер и Гавас. А сведения, передаваемые корреспондентом агентства Гавас, помимо этого, проходили еще и через цензуру Малета³². Еще более активный характер приняла защита дела египетской свободы в английской печати после возвращения Бланта в Лондон. Три месяца, проведенных поэтом в Каире, представляются ему «целой жизнью — таким захватывающим оказался интерес к разыгравшимся событиям»³³.

«Отныне я смотрел на Египет, — вспоминал впоследствии Блант, — как на второе отечество (*a second patria*) и твердо решил разделить свою судьбу с египтянами так, как если бы они были моими соотечественниками. Я чувствовал себя чужим среди своих соплеменников по крови..., которые составляли тогда английскую колонию в Каире. Следуя за Кольвином, как овцы, они прониклись идеей интервенции. И надо заметить, что теперь, когда предметом разговоров стала уже не французская, а английская интервенция, мгновенно безнравственность агрессии превратилась в глазах англичан в долг. Если требования Гамбетты к арабам представлялись им чудовищными, то предложения Грэнвиля рассматривались теперь как справедливые, патриотические и необходимые»³⁴.

³⁰ W. S. Blunt, *Secret history...*, pp. 169—170.

³¹ «Аль-Ахрам», 29.I.1932.

³² Малет — французский консул в Египте в 1879—1883 гг.

³³ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 206.

³⁴ *Ibid.*

Оказавшись в Лондоне, Блант, как свидетельствует историк египетской революции Баракат, активно занялся пропагандой египетского национально-освободительного движения³⁵. Об этом же сообщал в своем труде «Захват и закабаление Египта» Ф. Ротштейн. «Только небольшая группа честных людей различных политических взглядов, — писал он, — как Блант, с одной стороны, и Фр. Гаррисон — с другой, осмелилась выступить против этого джингоистского духа»³⁶.

В то время когда Блант вел оживленную кампанию в защиту египетских патриотов, 8 января 1882 г. Англия и Франция предъявили Египту объединенную грозную ноту. Отмечая, что эта нота написана языком угроз и по своему характеру представляет покушение на свободу Египта, Араби просил Бланта до сведения английских экспансионистски настроенных кругов, что «все население Египта, начиная с мужчины и кончая ребенком, будет оказывать сопротивление интervenтам»³⁷.

25 мая 1882 г. английское и французское правительства вновь предъявили Египту ультиматум. Своеобразным ответом на него явилось письмо Араби к Гладстону, которое Блант пересылает английскому премьер-министру. «Удар, нанесенный Англией и ее сателлитами, — писал Араби, — отзовется морем крови на широких просторах Азии и Африки, и ответственность за эту кровь падет на головы англичан.

Пусть английские круги не недооценивают патриотизма египетского народа. Возможно, они не знают о переменах, которые произошли в нем со времени тирании Исмаила. В наше время народы делают гигантские и неожиданные скачки на пути прогресса. Англия может быть уверена, что мы полны решимости умереть мучениками за свою страну... или же победить и стать независимым счастливым народом. Когда люди знают, за что они сражаются, их мужество беспредельно»³⁸.

В конце 1883 г. выходит из печати поэма Бланта «Ветер и буря» — живая хроника бурных египетских событий. В одной из своих работ известный литературный критик С. С. Чью совершенно справедливо назвал эту поэму «вдохновенным и возмущенным протестом против британской империалистической экспансии»³⁹. Появление «Ветра и бури» совпало со значительно усилившимся к 80-м годам стремлением к пресловутой «децентрализации», в которой экспансионистски настроенные круги видели средство облегчить «бремя англичанина».

«Англичане, — писал Дж. Р. Сили, автор двухтомного труда „Экспансия Англии“, вышедшего за несколько месяцев до появления поэмы Бланта, — должны устремить свои взоры за пределы Англии, если они хотят величия своей страны»⁴⁰.

Нетрудно представить себе, какую реакцию в этих условиях вызвала «крамольная» поэма Бланта, в особенности ее заключительная часть, где он предрекал мрачное будущее Англии, предсказывал гибель Британской империи и всеобщую ненависть к ней поработенных народов.

³⁵ Баракат, *Революция Араби и ее мировое значение*, — «Аль-Ахрам», 20.X.1931.

³⁶ Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 152.

³⁷ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 189.

³⁸ Ibid., p. 372.

³⁹ S. S. Chew, W. S. Blunt, *An intimate view*, — «The North American review», 1923, May, p. 676.

⁴⁰ G. R. Seely, *The expansion of England*, London, 1883, vol. I. Letter one. — В 1911 г. Сили выступал в палате общин с яростными нападкамии на обличительный памфлет Бланта «Гордон в Хартуме» («Gordon at Chartoum», London, 1911). См. W. S. Blunt, *My diaries...*, pt II, p. 386.

Ты слабому на грудь ногою ступила.
Восстанет он — пядю твою стряхнет!
Ты ненависть народа заслужила —
И ненависть его тебя убьет⁴¹.

Призывая народ Египта к сопротивлению иноземным угнетателям, к революционной буре против посеявшей ветер Англии (отсюда и название поэмы «Ветер и буря»), поэт вместе со всем прогрессивным человечеством приветствует этот всеокрушающий ураган:

Друзей Египта ненависть святая
Тебя повсюду, грозная, найдет,
И поросль народа молодая
Тебя за преступленья проклянет.
.
.
.
Ты растеряешь все свои владенья,
Твои суда, кочуя по волнам,
Не будут сеять смерть и разрушенье,
Паля по беззащитным берегам...

Идейный замысел Бланта окончательно раскрывается в одной из заключительных строф поэмы, где поэт призывает египетский народ поднять меч на покусившуюся на его свободу и независимость Англию:

Ты лицемерья символ и обмана,
Вошла ты в Лету в роли палача,
Насильника, обманщика, тирана...
С мечом вошла — погибни от меча!⁴²

В 1884 г., когда еще не успела улечься буря возмущения, вызванная его египетской поэмой, Блант публикует на страницах «Фортнайтли ревью» свою новую работу — публицистический труд «Мысли об Индии»⁴³ — результат наблюдений, сделанных им во время вторичной поездки в эту страну.

Посетив Индию в конце 1883 г., Блант, которого, по его собственному признанию, «дипломатия в Каире подготовила к дипломатии в Хайдерабаде», а «нищета сельскохозяйственной дельты Нила — к нищете сельскохозяйственных районов Декана», взглянул на Индию без розовых очков. А такими очками, по его же свидетельству, английские чиновники снабжали всех, кто посещал Индию. «Ночью современной Индии»⁴⁴ назвал он английское владычество в этой стране.

«Домики еще беднее, чем в Малой Азии, Сирии, даже Египте... полуголые, в лохмотьях, местные жители, которые хлеб и тот едят по

⁴¹ W. S. Blunt, *The wind and the whirlwind, appendix, to the secret history of the English occupation of Egypt*, p. 590. (Этот и все последующие переводы из поэмы «Ветер и буря» сделаны мной. — А. Л.)

⁴² Ibid.

⁴³ W. S. Blunt, *Ideas about India*, London, 1885.

⁴⁴ W. S. Blunt, *Ideas about India*, — «The Fortnightly review», 1884, vol. 36, p. 164. — Этим утверждением Блант по существу оспаривал ежегодные отчеты «Progress of India» («Blue-Books») и имевший широкое хождение справочник по Индии Хантера (W. Hunter, *The Indian Empire, its history, people and products*, London, 1882). Примечательно, что с критикой этих отчетов выступала в 1870—1900 гг. и прогрессивная русская печать. См., в частности, воспоминания М. И. Венюкова, опубликованные в 1900 г. в «Русской мысли» (М. И. Венюков, *Туземцы и иностранцы об английской Индии*, — «Русская мысль», т. II, стр. 94—102).

праздникам, а в будни — просо с солью и водой»⁴⁵, — вот что увидел Блант во время путешествия по Британскому Декану. Он с возмущением наблюдал за тем, куда шли гроши, отобранные у голодающего населения. «Я уверен, — писал Блант в своих „Мыслях об Индии“, — что нет другой такой страны на свете, где так бессмысленно тратятся огромные деньги... где за все... бессмысленные излишества так полно и непосредственно расплачиваются бедные»⁴⁶.

Поэт обращал внимание и на то, что не кому иному, как индийскому крестьянину, приходится оплачивать любое мероприятие своих «прекрасных правителей», «даже если оно не имеет ни малейшего отношения к их действительным нуждам»⁴⁷. «Я удивляюсь, — замечал Блант, — почему никто никогда не подсчитал, за сколько бочек шампанского заплатил пьющий одну воду индийский крестьянин за последние полстолетия»⁴⁸.

Ответственность за невероятно низкий уровень индийской промышленности и торговли поэт справедливо возлагал на своих соотечественников, непосредственно заинтересованных в его снижении. Вооружившись фактами, он обстоятельно доказывал, что, точно так же как индийский крестьянин в первую очередь обеспечивает роскошь представителей английской администрации, а потом уже кое-как свои собственные нужды, он способствует и процветанию английского торговца за счет полного разрушения собственной национальной торговли.

Убедительно доказывая, что «с существующей системой эксплуатации Индии к выгоде англичанина должно быть покончено навсегда»⁴⁹, Блант указывал своим соотечественникам на возможность сближения Индии с Россией.

Непосредственная и глубокая заинтересованность Англии в последовательном разрушении индийской экономики, которая по существу является предметом исследования «Мыслей об Индии», не позволила Бланту возлагать надежды на какие-либо идущие сверху, коренные изменения в англо-индийских отношениях. «Я знаю, — писал Блант в заключительной части своей работы, — какой поток гнева, не знающего меры в подлости, обрушивается на того, кто осмелится посягнуть на вложенные в дело капиталы. На нашем пути стоят интересы англо-индийцев, и еще более алчной коммерции, и еще более алчных финансов. Коммерция и финансы выигрывают от существующей ныне системы в Индии. Надо насытить Манчестер, прежде чем Индия получит надежду на жизнь... Долг Индии, к несчастью, означает дивиденды в Ломбард-стрит, и поэтому я не смею надеяться...»⁵⁰.

Абсолютная безнадежность, звучащая в приведенных высказываниях, свидетельствует о том, что в понимании Бланта единственным

⁴⁵ W. S. Blunt, *Ideas about India*, — «The Fortnightly review», 1884, vol. 36, pp. 168—169.

⁴⁶ Ibid., p. 176.

⁴⁷ Интересно сравнить наблюдения Бланта с высказыванием автора капитального труда «The migration of British capital» Дженкса (L. H. Jenks). «Накладные расходы, которые находили удобным записывать в долг Индии, кажутся нелепыми. Расходы в связи с восстанием в Индии в 1857 г., расходы по передаче прав Ост-Индской компании английской короне, на одновременные войны в Китае и Абиссинии, всякие правительственные расходы в Лондоне... вплоть до чаевых прислуге в министерстве по делам Индии... — все записывалось на счет индийского крестьянства» (см. Кумар Гошал, *Народ в колониях*, М., 1949, стр. 155).

⁴⁸ W. S. Blunt, *Ideas about India*, — «The Fortnightly review», 1884, vol. 36, p. 176.

⁴⁹ Ibid., pp. 458.

⁵⁰ Ibid., vol. 37, p. 398.

реальным выходом из положения для индийского крестьянина были не правительственные реформы, а национально-освободительная революция, к которой за год до появления «Мыслей об Индии» поэт призывал в своей поэме египетский народ, революция, созревшие предпосылки которой он продемонстрировал на страницах своей новой работы.

В сентябре 1898 г. внимание мировой общественности было привлечено к Судану. Разыгравшиеся тогда у г. Омдурмана события потрясли сердца всех честных людей. Двадцатитрехтысячная оккупационная армия под командованием английского генерала Китченера с невиданной жестокостью учинила расправу над мужественно отстаивавшими свою независимость суданскими патриотами. После занятия Судана и превращенного в развалины Хартума оккупанты осквернили могилу Махди (Мухаммед-Ахмеда) — вождя суданского народного восстания. Они разрушили его мавзолей, отрубили у трупа голову и, надругавшись над останками Махди, выбросили их в Нил.

Блант выступил в печати с гневным протестом против зверств английских оккупантов в Восточном Судане. Предумышленным и безжалостно осуществленным массовым убийством, «кровавой резней» назвал он трагические омдурманские события.

Возмущение Бланта новым преступлением английских колонизаторов нашло выход в его революционной поэме «Оправданный сатана». Свое новое произведение, опубликованное в 1899 г., поэт направил против тех, кто пропагандировал «божественную миссию Англии — завоевывать и подчинять себе необозримые пространства»⁵¹. «Лицемерие и всепоглощающая алчность Англии, — писал Блант в предисловии к поэме, — зрелище, которое, если существует в мире высшая справедливость, должно навлечь на эту страну божье проклятие... Только англосаксы могут в наши дни истреблять и совершенно стирать с лица земли целые племена. Только они могут опустошать целые континенты, пядь за пядью»⁵².

В поэме «Оправданный сатана» — блестящей сатире на империалистическую экспансию Великобритании — Блант представил в истинном свете историю колонизации стран Азии и Африки. Он развенчал созданный апологетами империализма миф о высокой цивилизаторской миссии колонизаторов, высмеял лицемерные рассуждения о том, что английская раса будто бы «авангард гуманности».

Поэма «Оправданный сатана» вышла в свет в те дни, когда на Гаагском мирном конгрессе английские дипломаты произносили «кроткие голубиные речи», а на полях Трансвааля, как и незадолго до этого в Восточном Судане, лилась кровь защитников свободы — жертв очередной агрессии британских империалистов. «Что может быть отвратительнее, чем эта дружественная встреча белых грабителей и мирный дележ добычи?»⁵³ — записал Блант в своем дневнике.

С тяжелым чувством вступает Блант в XX столетие. Он видит, как в результате колониальной агрессии гибнут и становятся рабами тысячи людей. «Старый век близится к концу, — писал Блант. — Он оставляет мир в весьма критическом положении, причем Англия натворила и продолжает творить в нем массу бед в таком масштабе, какого не знала до сих пор ни одна империя. Все нации Европы устраивают сейчас такой же ад в Китае, учиняя резню, мародерствуя и насилуя в захваченных городах, как в средние века... В Южной Африке наши

⁵¹ W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, pp. 420—421.

⁵² W. S. Blunt, *Satan absolved*, London, 1899, pp. V—VI.

⁵³ W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 401.

войска под командой Китченера жгут фермы, а королева, обе палаты и епископат публично благодарят бога и жертвуют на это предприятие деньги. Американцы тратят 50 миллионов в год на убийства на Филиппинах; бельгийский король вложил все свое состояние в Конго, где он совершает невероятные жестокости по отношению к неграм, чтобы набить свои карманы... Вся белая раса занимается открытым разбоем и разгулом, как будто она никогда не претендовала на то, чтобы прослыть христианской... Будь они все в равной мере прокляты! Так кончается славный XIX век, в который мы были так горды родиться...»⁵⁴.

С иронией воспринимает Блант притязания Соединенных Штатов Америки и Британской империи на роль освободителей угнетенных народов. «Мы, англичане, — заявляет он, — вместе с американцами душим слабые нации... И это делаем мы — два народа, первыми выступившие глашатаями свободы в мире»⁵⁵.

Одним из позорнейших событий в истории английского колониализма на Арабском Востоке, которым ознаменовалось начало нового столетия, были бесчинства оккупантов в египетской деревне Деншаваи. Защищая свое человеческое достоинство, феллахи изгнали из деревни насильников и грабителей. Английский суд приговорил четырех арабских крестьян к смертной казни, девять жителей деревни — к каторге, остальных — к наказанию плетью.

Рассматривая «Деншавайское дело» как одно из звеньев колониальной политики империалистических держав в странах Азии и Африки, Блант создает страстный обличительный памфлет «Зверства правосудия во время английского владычества в Египте»⁵⁶. В нем он обращается ко всем своим современникам, к людям разных национальностей и убеждений, призывая их поднять голос протеста против преступлений англичан в Египте. «Я опубликую, — заявлял Блант в предисловии, — этот памфлет и на арабском языке, чтобы каждый египтянин, да и весь восточный мир мог понять, что пресловутая британская справедливость, которую так долго превозносили, стала пустым и ничего не значащим словом и что весь мир уже увидел, что англичане... не имеют права на цивилизаторскую миссию, которой они так долго хвастали. Я имею возможность сделать это не только в Египте, но и в Индии, и по всему Востоку, где мои слова будут иметь вес, не в пример Англии... Ради братства людей я не стану колебаться и предупреждаю... что Британская империя заслуживает того, чтобы погибнуть, как другие империи, где были попораны справедливость и права человека»⁵⁷.

До последних дней жизни Вилфрид Блант продолжает горячо интересоваться борьбой колониальных народов мира за свое освобождение. Он приветствует и поддерживает оживление национально-освободительного движения в колониях, вызванное Великой Октябрьской социалистической революцией.

Бланта не обманывают демагогические декларации США о необходимости защиты прав угнетенных народов. Во внешней политике американских империалистов он находит подтверждение своим относившимся к более раннему периоду наблюдениям. «В Америке, — пишет Блант в 1919 г., — дело, которому я посвятил всю свою жизнь, еще меньше соответствует духу сегодняшнего дня, чем у нас»⁵⁸.

⁵⁴ Ibid., pp. 464—465.

⁵⁵ Ibid., p. 421.

⁵⁶ W. S. Blunt, *Atrocities of justice under English rule in Egypt*, London, 1907.

⁵⁷ Ibid., p. 12.

⁵⁸ См. S. S. Chew, W. S. Blunt, *An intimate view*, p. 665.

Поэт по-прежнему продолжает верить в конечный успех борьбы народов Азии и Африки за свою независимость. В мужестве египетских патриотов, павших смертью храбрых в долине Тель-эль-Кебир, он видит залог того, что арабский народ «будет жить, что настанет день для феллаха, когда он получит независимость, и славная борьба 1882 года найдет свое место в истории как начало существования независимого Египта»⁵⁹. С удовлетворением приветствовал Блант политику молодого Советского государства по отношению к народам Востока⁶⁰.

Вилфрид Блант умер 20 сентября 1922 г. Незадолго до смерти он принимал представителей поработанного Египта, приехавших отдать последний долг своему верному и мужественному другу-борцу.

⁵⁹ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 477.

⁶⁰ См. Ф. А. Ротштейн, *Памяти одного печальника Востока*, — «Новый Восток», кн. 2, 1922, стр. 713—714.